

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(438).09"20"

EDN NOMJXK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-112-116>

АРХЕТИП КУЛЬТУРНОГО ГЕРОЯ В ЦИКЛЕ АБСУРДИСТКИХ ПЬЕС О ЛИСЕ СЛАВОМИРА МРОЖЕКА

Зиновьева Регина Владимировна, кандидат филологических наук, Балтийское высшее военно-морское училище им. Ф.Ф. Ушакова, Калининград, Россия, regina46@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1875-0729>

Аннотация. В статье рассматривается написанная в 70-х гг. XX столетия серия одноактных абсурдистских пьес польского драматурга Славомира Мрожека о Лисе, который является характерной модификацией архетипа антигероя-трикстера в рамках присущей для театра абсурда попытки ремифологизации. Автор исследует трансформацию знаменитого средневекового эпоса в вышеназванном цикле пьес о Лисе, принимая во внимание работы таких польских литературоведов, как Я. Блоньского, А. Краевской, М. Сугеры и Х. Стефан, когда-либо занимавшихся изучением творчества абсурдиста. Делается акцент на затеянной Мрожеком постмодернистской игре посредством пародии, иронии и аллегии, при которой классический вариант сюжета теряет свою актуальность в силу тех изменений и потрясений, которые претерпело европейское общество в середине XX века. Обосновывается тезис о трагедии человеческой цивилизации, воплощением чего становится судьба Лиса-жертвы. Делается вывод о всеобщей дезутопизации в современную эпоху и постмодернистской исчерпанности традиции.

Ключевые слова: театр абсурда, Мрожек, архетип, культурный герой, Лис, традиция, постмодерн.

Для цитирования: Зиновьева Р.В. Архетип культурного героя в цикле абсурдистских пьес о Лисе Славомира Мрожека // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 2. С. 112–116. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-112-116>

Research Article

THE ARCHETYPE OF THE CULTURAL HERO IN THE CYCLE OF THE ABSURDIST PLAYS ABOUT THE FOX BY SLAWOMIR MROŻEK

Regina V. Zinoveva, PhD in Philology, Baltic Higher Naval College named after Admiral F.F. Ushakov, Kaliningrad, Russia, regina46@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1875-0729>

Abstract. The article deals with a series of one-act absurdist plays written in the 1970s by the Polish playwright Slawomir Mrozek about the Fox, which is a typical modification of the anti-hero-trickster archetype within the framework of the attempt of remythologization, which is characteristic of the theater of the absurd. The transformation of the famous medieval epic in the above-mentioned cycle of plays about the Fox is investigated. The author takes into an account the research of such Polish specialists in study of this absurdist's drama, as J. Błoński, A. Krajewska, M. Sugiera and H. Stephan. The emphasis is made on Mrozek's postmodernist game through parody, irony and allegory in which the classic version of the plot loses its relevance due to the changes and upheavals that European society underwent in the mid-20th century. The thesis of the tragedy of European civilization is substantiated, which is embodied in the fate of the fox-victim. The conclusion is made about the general desutopization in the modern era and the postmodern exhaustion of tradition.

Keywords: theater of the absurd, Mrozek, archetype, cultural hero, Fox, tradition, postmodernism.

For citation: Zinoveva R.V. The archetype of the cultural hero in the cycle of the absurdist plays about the fox by Slawomir Mrozek. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 112–116. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-2-112-116>

Обращение польского представителя театра абсурда, Славомира Мрожека, в своем цикле одноактных пьес о Лисе к книжному французскому эпосу о Лисе Ренаре является попыткой создать собственную модификацию этого легендарного сюжета, вписав его действия в рамки социокультурных проблем своего времени. «Роман о Лисе», будучи ярким примером средневековой литературы, отличается, по мнению Е.В. Казаковой, тем, что «его сюжет, идеи и человеческие образы, представленные под масками животных, оказались чрезвычайно актуальными во все эпохи, и сам роман продолжает жить не только в литературе, но и в культуре (искусстве) многих стран» [Казакова: 357]. Пародийно-сатирическое начало романа, послужившее обличению пороков общества, власти и церкви, по словам исследовательницы, «побудило писателей последующих эпох создавать свои варианты «Романа о Лисе» [Казакова: 357]. Сложилась целая традиция литературных преобразований «Романа о Лисе». Помимо средневекового текста к ней относятся сатирическая поэма Иоганна Вольфганга фон Гёте «Рейнеке-Лис» (1794 г.), а также творчество люксембургских писателей: поэма Мишеля де Роданжа «Рейнерт, или Лис в человеческом образе и одеянии» (1872 г.), роман Лео Мулена «Лис» (1968 г.) и роман Эмиля Коллинга «Лис во время войны» (1978 г.). Во второй половине XX века переработка знаменитого сюжета появилась и во французской литературе в произведениях Мориса Женева «Роман о Лисе» (1958 г.), Альбера-Мари Шмидта «Роман о Лисе, переложенный с соблюдением его оригинальной вольности с целью развлечь скучающих и привести в уныние святош» (1963 г.), а также в серии детективных комиксов «Лисий детектив» сценариста Жана-Жерара Эмбара и художника Жана-Луи Юбера (1979 г.).

Польский абсурдист Славомир Мрожек продолжает традицию литературных преобразований о Лисе. В серии одноактных пьес: «Серенада» («Serenada», 1976), «Охота на лиса» («Polowanie na lisa», 1976), «Лис-философ» («Lis-filozof», 1977), «Лис-аспирант» («Lis-aspirant», 1978), написанных в 70-х гг., драматург опирался на средневековую характеристику главного героя, представлявшего собой «желчного мизантропа... неисправимого озорника, бунтаря, драчуна и забияку» [Błoński: 13], который непременно выходил сухим из воды и выполнял «социальную функцию» разоблачителя пороков своего окружения. Таким образом, Славомир Мрожек не только делает из Лиса плута и разбойника, но и в контексте постмодернистской поэтики превращает его в жертву с учетом вызовов новой эпохи.

Такая амбивалентная сущность образа Ренара-Лиса связана, прежде всего, с обращением Мрожека к мифу о сотворении мира, в котором воспроизводит-

ся борьба космоса, персонифицированного в образе бога или культурного героя, и хаоса. Поскольку театр абсурда, появившийся в атмосфере «тоски» эпохи по мифу, отражает общекультурную тенденцию к ремифологизации в новой цивилизационной эпохе, о чем часто писали литературоведы XX века, такие как русский философ Н.А. Бердяев с его понятием об «апокалиптическом времени» [Бердяев: 16], а также современный сербский богослов В. Еротич с теорией религиозности литературы [Еротич 2008: 5], и, следовательно, ее мифоцентричности. Абсурдистские пьесы С. Мрожека о Лисе являются ярким примером такого «возвращения к мифу» либо, по любопытному выражению польского литературоведа Я. Блоньского, «тоски по порядку, заключённому в традиции» [Błoński 1978: 283–284]. Лис в пьесах польского абсурдиста, по сути, является модификацией архетипа антигероя-трикстера. О том, что герой Лис сочетает в себе две амбивалентные сущности, пишет исследователь средневековой литературы Жан Батани (цит. по: [Казакова: 63], а также польский исследователь Я. Блоньски: «Лис должен быть хитрым, ловким, находчивым – в общем, умным. Лис – это мудрец. Однако он также должен быть и прожорливым, беспощадным и жестоким... Амбивалентность героя свидетельствует о том, что Мрожек насковзь разглядел и определенным образом преодолел оппозиции, на которых строил свои пьесы» (здесь и далее в тексте статьи перевод наш. – *P. B.*) [Błoński: 94].

В первой пьесе «Серенада» (1976 г.) Мрожек воспроизводит басенную традицию противостояния хитрого Лиса и доверчивого Петуха. По словам Х. Стефан, эта пьеса затрагивает «тему хитрости в контексте мужской и женской психологии» [Stefan: 188]. В «Серенаде» драматург создает классическую ситуацию, в которой Лис, используя мастерство вероломного оратора, донжуана-соблазнителя с целью выманить из курятника трех кур, в финале обманывает их хозяина, Петуха, и съедает его. Неслучайно Лис в попытке полакомиться курами прибегает к беспроигрышному методу обольщения: он исполняет серенаду и играет роль интеллигентного музыканта. «Да какой же он музыкант? – восклицает с негодованием Петух. – Он бандит, обманщик и мерзавец!» [Mrozek: 55]. Лису удается провести кур, которые выступают в роли «стереотипных женщин» [Stefan: 188], но настоящей жертвой становится все же наивный Петух, терзаемый любопытством и ревностью.

В следующей пьесе «Охота на лиса» («Polowanie na lisa», 1976) удача изменяет герою: роль палача сменяется ролью жертвы. Неслучайно в этой пьесе и в последующей («Лис-философ», 1977) возникает образ-аллегория постапокалиптического мира, напоминающего «свалку»: «повсюду валяются изорванные клочки старых газет, апельсиновые корки,

консервные банки» [Mrozek: 29]; «в глубине вышшеется безлистное дерево» [Mrozek: 19]. Такая свалка, по словам М. Сугеры, является «явным знаком конца нашей цивилизации, изничтожившей саму себя» [Sugiera 1994: 125]. Мрожек совершенно жалким представляет тот мир, в котором уже не осталось диких зверей, кроме одного-единственного Лиса. Преследуют его уже не некогда славная знать, а буквально все – даже паралитики. «Мы пришли к тому, что охотятся уже все, но нет никого, на кого можно было бы охотиться» [Mrozek: 42], – восклицает Бывший Король. Лис, в попытке в очередной раз спастись, предлагает немислимое, но вполне закономерное для драмы абсурда Мрожека решение: «Следует диких животных заменить на домашних, например на птицу» [Mrozek: 46]. В этой доведенной до абсурда ситуации, в которой прослеживается характерная для драматурга писательская манера, заключающаяся в себе понимание абсурда как логического противоречия, кроется, как верно заметил Я. Блоньски, «насмешка над современными утопиями» [Błoński: 95]. «Охота на лиса» заканчивается тревожным, доносящимся из глухой чащи волчьим завыванием, символизирующим неутешительный прогноз на будущее, в котором наступит время волков. В этом явно прослеживается отсылка к стародавнему конфликту средневекового произведения – противоборству волка Изенгринна и лиса Ренара, которому всегда удавалось одержать верх над своим соперником. Однако у Мрожека данный конфликт опущен, и в отличие от средневекового романа в основе сюжета пьесы он не лежит. М. Сугера, улавливая пессимистические настроения Мрожека, писала: «У Мрожека Лис, давний комедийный трикстер, уже не в состоянии нарушить ни одного запрета, переступить социальный барьер во имя неограниченного инстинкта жизни. <...> На сцене-свалке все его хитрости безрезультатны, поскольку исчез тот порядок, против которого он мог бы бороться. Лис становится патетической жертвой умирающей цивилизации» [Sugiera 1996: 99]. Сравнивая конец пьесы Мрожека с концовкой «Романа о Лисе», в котором погребальная церемония оборачивается внезапным оживлением Лиса, исследователь довольно категорично заключает, что у Мрожека отсутствует «надежда на воскресение этого героя» [Sugiera 1996: 99]. Мы же склонны предполагать, что в цикле пьес о Лисе Мрожека была осуществлена дегероизация, то есть герой был изображен как жертва отчуждения за счет иронического сближения его с мифологическим архетипом антигероя-трикстера. Обращение польского драматурга к столь знаменитому средневековому сюжету знаменует собой не просто выявление при помощи пародийной игры, сатиры и аллегории изъянов польского социалистического общества, но глубже – постмодернист-

скую исчерпанность традиции, предполагающую, по словам польского литературоведа Марии Янион, «всеобщую дезутопизацию общества», в результате которой классические идеалы «потеряли силу своего убеждения» [Janion: 8].

В пьесе «Лис-философ» отчетливо прослеживается характерная для средневекового эпоса антиклерикальная тематика. Критика Мрожека обращена не столько к институту церкви, сколько, в общем, к понятиям морали и нравственности, на которых зиждется человечество. В этой драме Лис ищет обратную дорогу к традиции и ушедшим в прошлое идеалам. В связи с этим он обращается за помощью к Епископу как блюстителю моральных норм и «духовному проводнику» [Mrozek: 22]. Затрагивая философские вопросы утраты веры в высшие принципы и ценность метафизического страдания, Лис одновременно признается в том, что вынужден следовать своему охотничьему инстинкту. Осознавая всю трагедию своего двойственного положения, Лис умоляет Епископа об отпущении грехов: «Скажи, что мне делать, как жить! То есть как убивать и как умирать. В смысле не как, только за что» [Mrozek: 22]. В свою очередь, Епископ остается безмолвным и не отвечает мольбам Лиса. Согласно общей концепции Мрожека, безжалостно обличающего прогресс, поведение священнослужителя, который вынимает из-под своих одежд огромную женскую грудь и начинает кормить младенца, представляется не столько абсурдным, сколько фарсовым и трагикомичным. «Скорость прогресса превзошла все мои смелые ожидания» [Mrozek: 25] – с деликатной насмешкой и тонким юмором восклицает Лис. Неутешительными и полными безысходности кажутся последние слова раздавленного Лиса, который, словно давая прогноз всему человечеству, произносит: «Конец» [Mrozek: 25]. Согласимся с умозаключениями Х. Стефан, которая усмотрела в этой пьесе гибель традиции. «Епископ оказывается женщиной, – пишет польская исследовательница, – в результате сама традиция разваливается, а с ней уже и сам до того павший институт морального авторитета. Оставленный всеми Лис из старой сказки остается один, чтобы жить в новом мире, без традиции, без признанных принципов и авторитетов, в мире, в котором само человечество стало уже как бы менее привлекательным» [Stefan: 188].

В последней одноактной пьесе Славомира Мрожека «Лис-претендент» («Lis-aspirant», 1978), которая является вершиной критицизма польского драматурга и его насмешки над цивилизационным прогрессом, Лис, обращаясь в своем монологе к манекену обезьяны, которая принадлежит шарманщику, затрагивает философские вопросы эволюции и места человека и человекоподобных существ в ней. Завидуя положению обезьяны в линейной модели развития

человечества, Лис пытается понять, почему он вынужден владеть свое существование в мире животных. «Разве эволюция не является единственным законом, единственно верной религией, единственным смыслом вселенной? Разве прогресс, который, будучи маршем совершенства, взлетом к более высоким вершинам, не является единственной целью и единственной причиной существования? – непоколебимо провозглашает Лис свою веру в прогресс. – Давайте дальше пойдем вместе. (Обращаясь к обезьяне. – *P. B.*) Вы станете человеком, а я обезьяной. Потом, когда человек станет ангелом, я займу место человека. А ведь это еще не конец. Возможны следующие ступени эволюции, доселе нам не известные. Архангел, архиархангел и так далее, далее к головокружительным вершинам» [Mrozek: 236].

Хвалебный гимн Лиса человеку как «венцу творения» [Mrozek: 236] внезапно обрывается, когда на сцене, воплощающей знакомое читателю/зрителю из предыдущих пьес этого цикла постапокалиптическое пространство («изорванные клочки старых газет, пустые бутылки и банки от консервов» [Mrozek: 237]), начинает виднеться «безлистное дерево» [Mrozek: 237], на котором висит мертвое тело шарманщика. Логически противопоставляя человека как «наивысшую форму существования на земле» [Mrozek: 236] и его трагическую судьбу, Мрожек тем самым не только осуждает понимание прогресса как линейной модели развития истории, но и играет с устоявшейся гносеологической традицией, шокируя публику гротескными образами и ситуациями.

В представленном Мрожеком опустошенном постапокалиптическом мире антигерой-трикстер Лис более не чувствует себя уверенным. Былой образ хитреца и пройдохи потерял свою актуальность. В этой связи интересной нам кажется концепция польского исследователя А. Винха, который, опираясь на теорию современного британского философа и литературоведа Т. Иглтона о «постчеловеческом звере» («post-human animal» [Eagleton: 189]), образовавшемся в результате окончательного отказа от наследия иудео-христианской культуры, называет мрожековского героя, в том числе и Лиса, «пре-постчеловеком» [Winch: 14]. Будучи научно и технически подкованным существом, пре-постчеловек, однако, «не в состоянии глубоко постичь онтологической сути мира» [Winch: 14]. Это обстоятельство чрезвычайно беспокоит его, но одновременно является спасительной силой, которая сохраняет в нем «остатки человечности» [Winch: 14]. Мучаемый ощущением бессмысленности жизни и неустроенностью в мире, терзаемый одиночеством и тоской, пре-постчеловек все еще способен к восприятию метафизического страха и экзистенциального волнения. «Судьба Лиса, – пишет исследователь, – отмечена тем же несчастьем, которое постигло лю-

дей, принадлежащих к западному, иудео-христианскому культурному порядку в прошлом веке, особенно во второй его половине. Для них эпистемологическая и аксиологическая почва неожиданно ушла из-под ног. Человек из гордого и абсолютного хозяина творения, руководствующегося в своих действиях чисто рациональными предпосылками, превратился в постмодернизме в мало знающего, сомневающегося во всех истинах, растерянного и напуганного препостчеловека» [Winch: 15–16].

Таким образом, средневековый французский сюжет о хитром и побеждающем Лисе в рамках постмодернистской поэтики кардинально трансформируется в цикле пьес Славомира Мрожека о Лисе. В контексте всеобщей дезутопизации современности традиционные идеалы, равно как и традиционные сюжеты, теряют силу своего убеждения и становятся неактуальными. Посредством иронии и пародии на мифологический архетип антигероя-трикстера герой Лис изображается как жертва отчуждения и более способен одерживать победу над реальностью и поражать общество своей изобретательностью.

Список литературы

- Бердяев Н.А.* Кризис искусства. Москва: Интерпринт, 1990. 48 с.
- Еротич В.* Психологическое и религиозное бытие человека. Москва: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008. 206 с.
- Казакова Е.В.* Средневековый «Роман о Лисе» в контексте последующих литературных интерпретаций // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 3 (1). С. 357–363.
- Михайлов А.Д.* Старофранцузский «Роман о Лисе» и проблемы средневекового животного эпоса // Роман о Лисе. Москва: Наука, 1987. С. 3–34.
- Błoński J. Polak – jakim go widzą, jakim siebie marzy.* Odmarsz. Kraków, Wydawnictwo literackie, 1978, 300 s.
- Błoński J.* Wszystkie sztuki Sławomira Mrożka. Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1995, 283 s.
- Eagleton T.* Culture and the Death of God. New Haven and London, Yale University Press, 2014, 234 p.
- Janion M.* Zmierzch paradygmatu. Czy będziesz wiedział, co przeżyłeś. Gdańsk, Tower Press, 2000, s. 4–14.
- Krajewska A.* Dramat i teatr absurdu w Polsce. Poznań, Wydawnictwo Naukowe UAM, 1996, 274 s.
- Mrozek S.* Polowanie na lisa. Serenada, Lis filozof, Lis aspirant. Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1979, 238 s.
- Stephan H.* Mrozek. Kraków, Wydawnictwo literackie, 1996, 281 s.
- Sugiera M.* Kogut, Lis i Mrozek. Mrozek i Mrozek. Materiały z sesji naukowej zorganizowanej przez Zakład Teatru Instytutu Filologii Polskiej Uniwersytetu

Jagiellońskiego 18–21 czerwca 1990 roku; red.: E. Widota-Nyczek, J. Opalski, tłum.: A.M. Uggla, M. Sugiera, M.B. Kamiński. Kr., PWST im. L. Solskiego; Kraków, Mrożek Festiwal, 1994, s. 138.

Sugiera M. Dramaturgia Sławomira Mrożka, wyd. 1. Kraków, Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIVERSITAS, 1996, 293 s.

Winch A. Dramat ciemnych gier. Teatr absurdu prepostczłowieka. Warszawa, Instytut Sztuki PAN, 2015, 300 s.

References

Berdyajev N.A. *Krizis iskusstva* [The crisis of the culture]. Moscow, SP Interprint Publ., 1990, 48 p. (In Russ.)

Erotich V. *Psichologicheskoe i religioznoe bytie cheloveka* [The psychological and religious individual's being]. Moscow, Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreyana Publ., 2008, 206 p. (In Russ.)

Kazakova E.V. *Srednevekovyj «Roman o Lise» v kontekste posleduyushchih literaturnyh interpretacij»* [The medieval Novel about the Fox in the context of the next literary interpretations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2012, no. 3 (1), pp. 357–363.

Mihajlov A.D. *Starofrancuzskij «Roman o Lise» i problemy srednevekovogo zhitnogo eposa. Roman o Lise* [The Old French “The Novel about the Fox” and the issue of the medieval animal epic]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 3–34.

Błoński J. Polak – jakim go widzą, jakim siebie marzy. Odmarsz. Kraków, Wydawnictwo literackie, 1978, 300 s.

Błoński J. Wszystkie sztuki Sławomira Mrożka. Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1995, 283 s.

Eagleton T. *Culture and the Death of God*. New Haven and London, Yale University Press Publ., 2014, 234 p.

Janion M. *Zmierzch paradygmatu. Czy będziesz wiedział, co przeżyłeś*. Gdańsk, Tower Press, 2000, s. 4–14.

Krajewska A. *Dramat i teatr absurdu w Polsce*. Poznań, Wydawnictwo Naukowe UAM, 1996, 274 s.

Mrożek S. *Polowanie na lisa. Serenada, Lis filozof, Lis aspirant*. Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1979, 238 s.

Stephan H. Mrożek. Kraków, Wydawnictwo literackie, 1996, 281 s.

Sugiera M. Kogut, Lis i Mrożek. Mrożek i Mrożek. Materiały z sesji naukowej zorganizowanej przez Zakład Teatru Instytutu Filologii Polskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego 18–21 czerwca 1990 roku; red.: E. Widota-Nyczek, J. Opalski, tłum.: A.M. Uggla, M. Sugiera, M.B. Kamiński. Kr., PWST im. L. Solskiego; Kraków, Mrożek Festiwal, 1994, s. 138.

Sugiera M. *Dramaturgia Sławomira Mrożka*, wyd. 1. Kraków, Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas, 1996, 293 s.

Winch A. *Dramat ciemnych gier. Teatr absurdu prepostczłowieka*. Warszawa, Instytut Sztuki PAN, 2015, 300 s.

Статья поступила в редакцию 05.01.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 19.02.2025.

The article was submitted 05.01.2024; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 19.02.2025.